

набирают столько пленных, что им негде их держать и стеречь, так что они бывают готовы продать их тут же на месте за любую цену, которая колеблется в зависимости от числа рабов. Иногда этих последних идет на продажу столько, что человека, как говорили, отдавали за одну шапку. Купленных рабов торговцы связывают по 10—12 человек одной цепью и так их гонят на базар»¹.

Описывая историю турецких завоеваний в Европе и Азии, Дука не отмечает, что после победы турки, истребив часть населения, разграбив имущество жителей, захватывали наиболее здоровых и красивых людей в плен. Рассказывая, например, как в 1343 г. турки пришли в Европу, чтоб помочь Иоанну Кантакузину овладеть Фессалоникой, Дука пишет: «Турки же, прекратив сражение, отправились грабить деревни: и вот они погнали в Константинополь на продажу бесчисленные толпы закованных в цепи людей: мужчин и женщин с грудными детьми и цветущих юношей, священников и монахов»².

Турки захватывали жителей и продавали их в рабство не только во время военных действий. В рабство обращали несостоятельных должников, за неуплату налогов, а иной раз и без всякой причины. Всех побежденных силой оружия турки рассматривали как своих пленников, жизнью и имуществом которых могли свободно располагать завоеватели.

Торговля рабами получила особенное распространение в XIV—XV вв., когда Османское государство вело успешные наступательные войны в Юго-Восточной Европе. Но она оставалась и в дальнейшем, не исчезнув вплоть до конца XVIII в. В Турции существовали специальные рынки для продажи рабов. Торговцы рабами отправлялись вместе с войском в походы, чтобы по дешевой цене скупать пленных у солдат. Получение мыта от продажи рабов было одной из статей доходов султанской казны³.

Вопрос о том, какую роль играл рабский труд в Османской империи, где он находил применение, нуждается в специальном исследовании. Повидимому, рабство в Турции носило патриархальный характер. Рабы использовались как слуги, женщины и девушки попадали в гаремы султанов и феодалов. Наиболее широкое применение находили рабы в войске. Из их числа формировалась личная охрана султана, дворцовая стража и прислуга. О таких 8 юношах-сербках, служивших коморниками при дворе Мехмеда II, сообщает Михаил Константинович из Островицы⁴.

Многие из рабов, под давлением угроз и запугиваний, а иногда и в корыстных целях принимали ислам. Из таких бывших рабов-потурченцев вышло немало государственных деятелей Турции, визирей, крупных военачальников⁵. Все это были люди, сумевшие извлечь выгоду из не-

¹ А. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 136.

² Ducas, p. 32.

³ Яков де Промонторио де Кампис. Управление и приходите на Султана. Державата на Султана. Изв. ИДр, кн. IX, 1929, стр. 25.

⁴ «Гласник Сербского ученого дружества», кн. XVIII, стр. 117.

⁵ Проезжая в 1433 г. мимо Вере (современное Фере), французский путешественник Бертрандон де ла Брокьер встретил «управителя Греции» (т. е. румелийского бейлербейства), который был потурченцем-рабом, родом из Болгарии. Он завоевал расположение султана тем, что умел хорошо пить вино, и получил в управление Румелию (К. Иречек. Стари пътешествия по България. Пер. Сп., кн. III, 1882, стр. 71—72). Великий визирь конца XVI в. Мехмед был также болгарин, происходил из рабов (К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 575—576). Таких примеров можно было бы привести немало.

Весьма характерна, например, передаваемая Дукой речь бывшего албанца-потурченца, великого визиря султана Мехмеда I. Он говорил, изведав придворных о смерти Мехмеда: «Было еще одно обстоятельство, содействовавшее укреплению этого (Османского.—И. Д.) государства и увеличению его авторитета: мудро и искусно собирали